

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ*

Статья посвящена общим методологическим проблемам сравнительным исследования. Основной вопрос уделен дискурсу сравнимости в пространстве социологического рассуждения и методологии сравнительного анализа политической системы.

За последние два-три десятка лет широко распространился скептицизм среди социологов, политологов-эмпириков и др. исследователей, касающийся эвристических возможностей универсальных сравнений, на первый взгляд имеет под собой серьезное обоснование. И действительно, предметная область применения универсальных сравнений ограничена анализом лишь наиболее общих характеристик изучаемых явлений, чем выявлению их особенностей. При этом каждый из объектов изучения выходит из поля зрения, что значительно обедняет общий результат исследования.

В основу подобного убеждения положен практический опыт политической науки, накопленный за годы становления и развития компаративистики, как раз в тот самый период, когда пик интереса к универсальным сравнениям пришелся на послевоенное время XX века. Именно в это время обновление политической науки потребовало широких обобщений и создания больших теорий (*greater theories*). В политической компаративистике, активно развивавшейся под глубоким влиянием бихевиорализма и структурного функционализма, в начале 1970-х годов наступил «плюралистический» этап, характеризующийся углубленной разработкой важнейших аспектов политики и постановкой более конкретных исследовательских задач. Еще до недавнего времени, казалось бы, единая компаративистика, в конце 1960-х – начале 1970-х годов распалась на множество субдисциплин и прежние коллеги, по образному замечанию Г. Алмонда, расселись за «разные столики и стали возделывать отдельные делянки». В этих условиях скептицизм в отношении универсаль-

¹ Тушков Александр Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории, политологии и социологии ВГУЭС.

* Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/4472.

ных сравнений оказался более чем оправданным. Именно в этот период, по мнению Л.В. Сморгунова, стали критика направлений политической науки и её компаратики:

во-первых, политическая наука и сравнительная политология оказались невосприимчивыми к новым социальным и политическим переменам, которые так бурно выявились в конце 1960-х - начале 1970-х годов в виде контркультурных движений, постиндустриальной революции и коммуникационных трансформаций;

во-вторых, попытка создать на основе бихевиорализма и структурного функционализма политическую науку, лишенную ценностной нагрузки, фактически привела к господству лишь одной теоретической парадигмы, связанной с идеологией «буржуазного либерализма»;

в-третьих, оказалось, что эти методологии сравнительного анализа, ориентирующиеся на поиск закономерных связей и подобий, фактически вели к созданию картины политического мира, лишенной значительной доли уникальности и многообразия;

в-четвертых, преобладание количественных методов анализа в сравнительной политологии хотя и создавало возможность для проверки гипотез, но одновременно приводило к их обеднению. Путем статистической проверки утверждались зачастую либо довольно банальные истины, либо уже известные зависимости¹.

Существующая действительность диктует нам совершенно иные правила научного поведения. Накопленные исследовательские результаты на рубеже конца XX – начала XXI веков представляют собой достаточно весомый объем специфических и совершенно уникальных научных знаний. В этих условиях решение проблемы сравнения полученных результатов и установления их общего контекста и значимости становится основной исследовательской задачей. В современных условиях с учетом новых методологических требований остро встал вопрос о необходимости вернуться к использованию универсальных сравнений. Лишь эмпирические исследования, которые способны корректно соотнести наблюдаемые факты с теоретическими конструкциями, позволяют сегодня минимизировать разницу между дескриптивностью и интерпретацией конструкторов и явлений с одной стороны, и развитием методик и теоретических концепций – с другой.

В политической науке сравнительный метод рассматривается только через сопоставление его достоинств и недостатков с методами эксперимента, статистики и исследования отдельных случаев («case-study»). Вместе с этим возникают проблемы количественных и качественных сравнений, статического и динамического аспектов сравнения. Так, при сравнении исторических фактов исследователь пытается найти некоторые обобщающие эмпирические законы, касающиеся условий и явлений, т.е. корреляцион-

¹ Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полит. Политические исследования. 2009. № 1, С. 118-129.

ные и каузальные зависимости. Как указывает Дэвид Аптер, сравнение явилось особым способом связывания идей, проистекающих из политической философии и теории, с эмпирическими событиями и феноменами¹.

Однако при этом неизменно возникнут методологические проблемы: сравнимости, эквивалентности, интерпретации, универсальности, проблема «мало N, много переменных», этноцентризма, проблема Гэлтона. Тем не менее, в целом, сравнение позволяет сформировать экспериментальную ситуацию, которой можно управлять, переходя от одного исследуемого объекта к другому. Сравнение напоминает эксперимент в том смысле, что позволяет контролировать явления, включенные в процесс исследования, хотя данный контроль не является абсолютным.

И последнее, чтобы получить искомый результат, необходимо ввести искусственно некоторые условия. В данном случае логика исследования связана с поиском следствия, когда исследователь, имея наблюдаемое неоднократно следствие, ставит перед собой задачу поиска условий явлений, а не результатов (общая логика поиска зависимостей при различии исходных пунктов анализа).

В данном случае преимущество сравнительного метода будет заключаться в том, что он позволяет сочетать количественную и качественную методологию при сохранении ориентации на получение научных результатов. Подтвердить данный вывод можно словами Н. Смелзера, который так характеризовал значимость сравнительного метода в социальных науках: «Подобно статистическому методу сравнительный метод является заменителем эксперимента. Он вырабатывался при анализе исторических данных, число случаев которых является слишком маленьким, чтобы применить статистическую манипуляцию... Из-за ограниченного числа случаев исследователь полагается на систематическую сравнительную иллюстрацию. Несмотря на этот ограничительный признак сравнительного метода, его логика является идентичной с и методами эксперимента и статистического анализа в том, что он пытается делать объяснения путем систематической манипуляции параметрами и оперативными переменными»².

Более того, аналогию с экспериментальным методом проводит и Ч. Рэйджин, указывая на два типа сравнительных исследований: во-первых, это количественные исследования, ориентированные только на исследование дисперсий признаков явлений; во-вторых, качественные исследования, ориентированные на сравнение категориальных переменных. В данном случае присутствует экспериментальная логика ограни-

¹ Apter D. Comparative Politics, Old and New // A New Handbook of Political Science / R. Goodin, H.-D. Klingeman (eds.). - New York: Oxford University Press, 1996. P. 372.

² Smelser N. The Methodology of Comparative Analysis // Comparative Research Methods / D. Warwick, S. Osherson. Prentize-Hall, INC; Englewood Cliffs, NJ, 1973. P. 51.

чения условий и поиск каузальных зависимостей между переменными (при количественном анализе еще и корреляционных)¹.

Неожиданность сравнительного метода и метода эксперимента, о которой мы говорили выше, отражается и на результатах исследования, так как сравнительный метод ориентирован, прежде всего, на получение эмпирических обобщений в виде законов, корреляций, моделей, типологий и классификаций. В какой-то мере результаты сравнительного анализа являются дескриптивными и иллюстративными, а потому ряд ученых утверждают, что сравнение не дает нового знания, а лишь проверяет уже полученные научные результаты и обобщения. Эндрю Фор специально с этой целью исследовал два основных сравнительных подхода в политическом исследовании – исследование наиболее подобных систем и исследование наиболее различных систем, – и пришел к выводу, что сравнительный метод скорее служит научному подтверждению теорий и предположений, чем открытию новых, хотя последнее и не исключается².

Необходимо заметить, что сравнение редко выступает в качестве самоцели научного политологического исследования. Задачей является не сравнение форм политических феноменов и их условий, а поиск зависимостей, концепций и моделей. Сравнение в данном случае выступит не просто методом, а исследовательской методологической стратегией, затрагивающей:

- а) образ политического феномена;
- б) исходную концептуальную структуру;
- в) формулируемые исследовательские гипотезы;
- г) набираемые инструменты измерения и анализ эмпирического материала;
- д) получаемый научный результат – синтезированные концепции и классификации, модели и теории конкретной политической системы.

В этой связи сравнение явится не столько техникой сопоставления, различения или объединения, сколько исследовательским мировоззрением. Одной из самых больших опасностей, подстерегающих нас, когда мы будем производить гипотезы в сравнительном исследовании, заключается в проектировании возможных взаимоотношений в чистом виде. Этого можно избежать, если собирать данные до формулировки гипотез. Эти методологические требования к сравнительному анализу фактически фиксируют внимание на первоначальной стадии сравнительного политологического анализа – концептуализации и выборе гипотез исследования.

¹ Ragin Ch. *The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press, 1987.

² Faure A. *Some Methodological Problems in Comparative Politics* // *The American Political Science Review*. 1994. Vol. N 3. P. 314-316.

Немаловажное значение придается организации сравнительного исследования путем определения переменных¹ для сбора количественных и качественных данных. Выделение видов и уровней переменных в нашем случае не отличается от любого социального исследования, ориентированного на измерение и анализ эмпирических данных. Организация переменных в зависимости от поставленных целей и гипотез исследования, а также ее общей концептуальной схемы, предполагает разбиение переменных на группы. Совокупность изучаемых переменных можно определить как оперативные переменные. Среди них выделим зависимые, независимые и вмешивающиеся переменные.

Зависимая переменная – изменяемое качество исследуемого политического феномена, которое рассматривается как следствие или результат действия некоторых условий, факторов, обстоятельств.

Независимая переменная – характеризует эти воздействующие условия, факторы и обстоятельства политического феномена.

Вмешивающаяся переменная. Между зависимыми и независимыми переменными имеется некоторая связь, подвергаемая исследованию и при изучении характера этой связи необходимо знать, что помимо выделенных зависимых и независимых переменных, необходимо учитывать влияние и других условий, т.е. контролировать условия. Относительно оперативных переменных это означает, что на взаимосвязь зависимой и независимой переменной может влиять некоторая третья переменная, которая и называется вмешивающаяся переменная. Ее влияние нужно контролировать, и иногда в процессе исследования, если обнаруживается большее влияние вмешивающейся переменной, чем независимой, первая получает статус независимой.

Вместе с оперативными переменными необходимо выделить изменяемые качества объекта, которые будут браться в качестве постоянных переменных. Они и получили название *параметров*. Между зависимыми и независимыми переменными необходимо установить количественные и качественные связи. Важно значение при этом отводится уровню данных зависимостей. Смелзер, основываясь на идеях Т. Парсонса о двойственной иерархии социальной жизни², строит следующую иерархию уровней зависимых переменных:

- агрегативные качества населения,
- оценки бихевиоральных осадков,
- социальные структуры,
- культурные структуры.

¹ Под переменной понимается изменяющееся качество изучаемого политического феномена (в данном случае – трансграничные регионы), к измерению которого могут быть применены неметрические или метрические шкалы. (Прим. авт.).

² Первая: биологический организм, личность, социальная система, культурная система; вторая (в социальной системе): роли, коллективы, нормы, ценности. (Прим. авт.).

При этом Смелзер подчеркивает, что переход от самого нижнего уровня (агрегативные качества населения) к самому верхнему (культурные структуры) значительно усложняет организацию переменных, так значительная часть из них не может трактоваться в качестве параметров, а должна включиться в оперативные переменные¹.

Так как понятие переменных является одним из ключевых при организации сравнительного исследования, то и определения собственно сравнительного метода даются, исходя из специфики отношения к контролю над переменными. Так, А. Лейпхарт пишет, что границы сравнительного метода определяются стратегией, при которой случаи «выбираются таким образом, чтобы максимизировать дисперсию независимых переменных и минимизировать дисперсию контролируемых переменных»².

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующий вывод, что сравнительный метод является ключевым моментом общего контекста и значимости политического анализа. По мнению Ж. Блонделя, он был таковым со времен Аристотеля, он таковым и остается для большинства социальных исследований, рассматриваемый в политической науке через сопоставление его достоинств и недостатков с методами эксперимента, статистики и исследования отдельный случаев.

Основная проблема сравнимости заключается том, что общие понятия и гипотезы, применяемые в сравнении, искажаются в различных культурных, исторических и политических контекстах, где проблема сравнимости перерастает в проблему *эквивалентности*, с одной стороны, и *универсальности*, с другой. В данном случае речь идет об эквивалентности понятий и процедур, используемых в исследовании (В.В. Желтов и М.В. Желтов обозначают данную проблему как «ловушка языка»), а также поиске идеальнотипических конструкторов, обладающих качеством универсальности.

Любая общественная наука, включая политологию, систематически сталкивается с проблемой несоизмеримости. По формуле К. Поппера «объективное знание» проявляется в языке и трудности начинаются в тот момент, когда необходимо переходить от одного языка концептуальной схемы к другой. Следовательно, перевод представляет собой отыскание эквивалентов одного языка в отношении к другому: «...единственное средство преодолеть неопределенность – это перестроить способы иностранного рассуждения, попытаться его понять на основе пересоздания... Речь идет не о переводе (значений, антологии), а о понимании способов рассуждения другого, и на основе этого – об интеграции стиля

¹ Morin E. Introduction generale // Morin E., Piattelli-Palmarini M. (dir.) L'Unité de l'homme. P., 1974. P. 61–62.

² L. Ijphart A. Comparative Case Strategy in Comparative Method // Comparative Political Studies. 1975. Vol. 8. N 1. P. 165.

рассуждения. В этом состоит задача антрополога, который в этом смысле не отличается от историка науки»¹.

«Ловушка языка» и заключается в том, что исследователь априорно поддается тождественности значения переведенных терминов, так как любое явление, факт, должны получить языковое описание и здесь предстоит столкнуться с тем, что называется диалектикой между словами и фактами (по терминологии М. Фуко – между словами и вещами). На самом деле, во-первых, при исследовании политических феноменов для обозначения новых концепций и понятий предстоит ввести некоторые неологизмы и, во-вторых, помимо использования возможностей родного, русского языка, предстоит использовать и возможности искусственных языков (например, научной терминологии и т.д.), как порождения логико-формальных дисциплин.

В этой связи важно достигнуть концептуальной эквивалентности:

- взаимосоответствия значения концепта в различных культурах политических систем;
- эквивалентности измерительной техники – различие или сходство измерительных индикаторов и индексов;
- лингвистической эквивалентности, затрагивающей лексический и грамматический смыслы понятий, используемых в исследовании.

Для разрешения проблемы эквивалентности необходимо, во-первых, многократная процедура обратного перевода понятий или предварительное зондирование; во-вторых, эквивалентность можно соблюсти, если обращать внимание скорее на эквивалентность идей, а не слов, и если теснее связывать понятие с реальной, а не с нормативной политической жизнью.

Решая проблему сравнимости, безусловно, придется решать и обратную ее сторону – проблему *универсальности*. В политической науке проблема универсализма понятий прекрасно известна: отражают ли общие понятия политики содержание политических процессов при их применении к различным культурно-историческим средам. Возникает вопрос: можно ли распространить полученные при изучении группы стран эмпирические обобщения на все страны? Веберовская методология сравнения, ориентируясь на поиск уникальности исторических процессов с помощью идеально-типических конструктов, обладающих качеством универсальности, рассматривала универсальность не как цель, а как средство исследования. И сегодня, несмотря на критику универсализма и возвращения к интерпретативному анализу, поиск универсальных эмпирических обобщений остаётся значимым.

Проблема универсальности решается, во-первых, соблюдением меры абстрагирования, как у Сартори в его «лестнице абстракции»:

- низший уровень категорий соответствует описательной концептуализации при переходе в исследовании от одной страны к другой;

¹ Laugier S. Guine, la science et le naturalism // Wagner P. Les philosophes et la science. P., 2002. P. 723.

– средний уровень соответствует общим концептуализациям и таксономиям, полученным при сравнении относительно однородных политических систем;

– высший уровень соответствует универсальным концептуализациям, полученным при глобальном сравнении стран с различными культурными контекстами.

Центральной для сравнительных исследований являться проблема, которую в компаративистике обозначают как «мало N , много переменных». Она заключается в том, что исследователь ограничен лишь небольшим количеством случаев, которые можно подвергнуть изучению, тогда как число переменных, которыми характеризуются политическая система, является большим. В этом случае возникает две проблемы: с одной стороны, с целью сделать исследование более обоснованным необходимо максимально увеличить число случаев, а с другой – суметь ограничить количество переменных в исследовании. Первая часть проблемы ограничивает применение статистического метода, а вторая – усложняет выбор оперативных переменных и контроль над переменными.

Еще до недавнего времени в политической науке малое число N считалось недостатком сравнительного метода, поэтому исследователи пытались всемерно увеличить число случаев. В связи с этим было выработано множество советов, как это сделать и самый простой из них состоял в том, что нужно увеличивать число случаев насколько это возможно, особо не обращая внимания на всякого рода отклонения от общих каузальных, корреляционных или функциональных зависимостей. Увеличение же при этом приветствовалось и пространственное, и историческое. С течением времени данная тенденция привела к увлечению так называемыми глобальными сравнительными исследованиями, когда в орбиту сравнения попадало максимальное число стран, хотя при этом всегда возникали новые проблемы, связанные с сравнимостью. В политической науке каждый исследователь по-своему решал эти проблемы, учитывая некоторые глобальные тенденции, эволюционные теории политического развития, упрощая инструменты сравнительного анализа и т.д.

В сравнительном политическом исследовании проблема глобализации экономических, политических и интеграционных процессов, интенсивного взаимодействия стран неизменно возникнет вопрос относительно значимости внутренних и внешних факторов и условий. Следовательно, в сравнительном исследовании появится необходимость учесть внешнее воздействие на политическую систему национального государства («проблема Гэлтона») т.е. «проблемы действительного государственного суверенитета и международной системы как основного условия для стран, преследующих свои особые интересы»¹. Собственно проблема состоит в том, как это сделать.

¹ Teune H. Comparing Countries: Lessons Learned // Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research / Oyen E. London; Newbury Park; New Delhi, 1990. P. 52

Научные споры по поводу проблемы независимости изучаемых культурных объектов продолжаются до сегодняшнего дня. В конечном итоге споры привели к обсуждению двух видов исторических взаимосвязей: диффузии между обществами и общих источников их возникновения. В этнографических исследованиях эту проблему ученые на протяжении прошлого столетия пытались либо оспорить, или отвечали на нее специальными методиками выборки или включением в исследование исторических взаимосвязей в качестве контролируемой переменной. В начале 1970-х годов «проблема Гэлтона» была взята на вооружение учеными политической науки. Как пишет Генри Тейн, «к концу 60-х годов, было признано учеными несколькими годами позже, развитие стало глобальным и перешагнуло границы отдельной страны. Спор возникает по поводу действительного государственного суверенитета и международной системы как основного условия для стран, преследующих свои особые интересы»¹.

В конце прошлого века сравнительных политических исследованиях было предложено несколько методологических решений «проблемы Гэлтона». Во-первых, ряд исследователей отстаивали так называемую «холистскую методологию», согласно которой единицы анализа составляют взаимосвязанное целое, и отсюда следует предпосылка, что между ними имеются причинные отношения. В том случае, когда холистские объяснительные модели эмпирически определены, то независимость единиц анализа сама превращается в проблему. Взаимозависимость единиц анализа ставит под вопрос использование статистического метода при сравнении.

«Холистская методология» основывается на качественном сравнении и ставя при этом под вопрос всеобщность вывода о соответствии методологии сравнения и методологии статистического анализа. Часть ученых, таких как Сильверман, проводят различие между «структурной перспективой» сравнения, основанной на интегративной методологии, и «молекулярной перспективной», связанной со статистикой. Статистические выводы возможны, когда единицы исследования трактуются как одинаковые по статусу и независимые друг от друга. При «структурной перспективе» единицы анализа, включенные в единство, являются различными, так что данные о таких элементах «не являются статистическими по природе»². Однако Стен Анттила доказывает, что «холистский подход», позволяя решить «проблему Гэлтона», порождает другие серьезные проблемы: увеличивается степень сложности исследования, возрастает число переменных, теряется ясность теории и т.д.³.

Во-вторых, близкой к холистскому подходу выступила стратегия анализа влияния мировой системы на внутреннее развитие стран, при кото-

¹ Faure A. Some Methodological Problems in Comparative Politics // *The American Political Science Review*. 1994. Vol. N 3. P. 52.

² Silverman L. Beyond the Micro/Macro Distinction // *European Journal of Political Research*. 1991. Vol. 19. N 4. P. 390-392.

³ Anttila St. *Aspects of Macro-Sociological Methodology*. Uppsala. 1993. P.26-29.

ром экономическая и политическая системы страны рассматривались в качестве открытой системы. Предполагается, что при исследовании необходимо исходить из предпосылки комплексного баланса, при котором повышение мобильности в одной единице подсистемы приводит к понижению мобильности в другой, при этом регулирование мобильности осуществляется всей стратифицированной системой.

Стратегией решения «проблемы Гэлтона» выступает исследовательская модель сравнительного анализа, при которой осуществляется попытка объединить внутрисистемные измеряемые переменные с внутрисистемными межвременными и межсистемными пространственными неизменяемыми переменными, показывающими процессы диффузии¹. Представляется, что при таком подходе межсистемные пространственные диффузии, проистекающие из «проблемы Гэлтона», открывают возможность множества интерпретаций характера внутрисистемных каузальных отношений объекта исследования.

Попытку снять «проблему Гэлтона» ученые предпринимали неоднократно. При этом были использованы различные модели и подходы. В частности, часть ученых при решении проблемы ориентировались на усиление контроля за внешними переменными, предложили две стратегии сравнительного исследования: сравнение наиболее подобных систем и сравнение наиболее различных систем. При сравнении похожих систем общность географических, культурных, исторических, экономических и т.д. условий обеспечивала возможность считать, что страны являются однородными по ряду параметров, и проверять исследуемую взаимосвязь (например, между партийными системами и избирательными системами), ориентируясь только на внутренние условия. При сравнении наиболее контрастных политических систем влияние внешних факторов контролируется явным противопоставлением внешних условий.

Решая «проблему Гэлтона», неизменно возникнет проблема *этноцентризма* (часть ученых, в том числе В.В. Желтов и М.В. Желтов обозначают данную проблему как «ловушку этноцентризма»²).

Этноцентризм³ становится возможным при проведении сравнительного анализа, если действовать на основе принципа универсализма, когда вне зависимости от специфических свойств культурного контекста той или иной страны, выводы делаются на основе сложившейся практи-

¹ Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64. N 4.

² Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. С. 247.

³ Этноцентризм (греч. *ethnos* - народ, племя, лат. *centrum* - центр круга, средоточие) - механизм межэтнического восприятия, заключающийся в склонности оценивать явления окружающего мира сквозь призму традиций и норм своей этнической группы, рассматриваемой в качестве всеобщего эталона. (Прим. авт.).

ки, норм, правил и социализации своей собственной страны. Можно сказать, что все, что оценивает компаративист в отношении политики других стран, интерпретируется им с позиции своей собственной культуры, которая превращается в собственное метарассуждение, состоящее из совокупности концепций данной культуры. Однако практическое применение концепции культурного анализа весьма затруднено в силу определения границ культур по отношению друг к другу или иным, третьим культурам. Но, тем не менее, данное заблуждение ведет к неверному научному результату в силу недооценки многозначности политического словаря другой политической культуры.

В числе вышеизложенных проблем сравнительного анализа, неизменно возникнет и проблема *измерения*, в силу своей многозначности, не являющейся лишь только специфической проблемой компаративистики. Она возникает в любом исследовании и относится к количественным сравнительным исследованиям. И не случайно, в последние годы в связи с некоторым ослаблением интереса к количественным методам анализа на первый план некоторые исследователи выдвигают проблемы герменевтического понимания политического действия и, в том числе, интерпретативного подхода к политике и управлению.

Суть проблемы состоит в том, что существует множество смыслов одного и того же политического феномена и уже при выборе исходных концептов и переменных в количественных исследованиях она появляется в виде ценностной склонности исследователя. В качественных исследованиях она становится центральной.

Заканчивая краткий обзор проблем использования компаративистики в поиске ответов на основные исследовательские вопросы необходимо констатировать, что научный результат *a priori* предполагает столкновение с рядом методологических проблем, решение которых даст возможность адекватно использовать методы сравнительного анализа, избегая тем самым иллюзий, порожденных базовыми концепциями. При этом важно рассмотреть три момента, связанные со сравнительным анализом: *методологическое сомнение, эпистемологический разрыв и теоретический императив*.

Во-первых. При сравнении эвристический принцип недоверия становится во главу угла поиска научного результата, а выявление контрастов между сходством и различием, именно различия представляют основной интерес для исследователя.

Во-вторых. Научное знание предполагает отказ от здравого смысла.

В-третьих. Реальность всегда воспринимается исследователем через призму мистификации. Но реальность приводит к еще большей мистификации, если исследователь начинает изучать реальность другого государства. В тех случаях, когда анализу подвергается реальность иностранного государства, политолог должен руководствоваться сравнительной моделью как инструментом сравнения. Компаративистика невозможна без опоры на теоретические модели и объект может быть построен только на основе такого подхода. Если использование теорий и моделей позволяет

построить объект своего изучения, то он должен опираться на ту или иную парадигму сравнения. И она должна быть рационализирована¹. В этом отношении утверждение К. Поппера подтверждает наши выводы: «Когда я говорю о развитии знания, я не обращаюсь к накоплению наблюдений, а использую замену одной теории на другую, более лучшую и более удовлетворяющую»².

В данной статье были описаны основные подходы к определению существа сравнительного метода. Развитие сравнительных исследований во второй половине XX века породило ряд методологических проблем, дискуссия по которым продолжается и сегодня. Изложенные автором подходы не претендуют на истину, но дают возможность продолжить методологический дискурс по проблемам политической компаративистики.

¹ Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полит. Политические исследования. 2009. № 1. с. 257–258.

² Popper K. *Conjectures et refutations*. P., 1985. P. 320.